

Неизвестный прижизненный
портрет М. Ю. Лермонтова

Александр
Брюллов (?).
Портрет
А. Н. Карамзина
и М. Ю. Лермонтова.
23,5×18 см.
Акварель. Италия.
Частное собрание.
Публикуется
впервые.

В ОДНОМ зарубежном частном собрании хранится небольшой акварельный портрет двух русских офицеров, во внешности которых при первом же взгляде нам почудилось что-то удивительно знакомое и близкое.

Мы уже встречали изображение молодого человека, написанного в кресле, с ироническим взглядом и чуть напускной скептической усмешкой в уголках рта, украшенного тонкими усиками. Но главное, что нас поразило, — это были черты второго офицера, который стоит за своим товарищем, опираясь правым локтем на спинку кресла. Лицо его с большим лбом, обрамленным гладко зачесанными волосами, задумчиво, сумрачно и даже скорбно, особенно рядом с безмятежным обликом другого офицера. Этот взгляд, полный глубокой, неотразимой мысли, эту горькую душевную складку, налагающую неизгладимый отпечаток на весь облик, эту удивительную внутреннюю духовную силу отличают и другие изображения молодого человека, которого звали... Михаилом Юрьевичем Лермонтовым.

Но неужели перед нами и в самом деле один из неизвестных прижизненных портретов великого русского поэта, которых сохранилось очень мало и которые упорно разыскивались на одном поколении поклонников его таланта и исследователей? Сходство изображенного на акварели офицера с М. Ю. Лермонтовым, которого мы знаем по немногим дошедшим до нас портретам, написанным при жизни поэта, было несомненно. Тот же неповторимый высокий лермонтовский лоб. Та же манера зачесывать волосы с пробормом слева, какую мы видим на всех портретах поэта, за исключением последнего уцелевшего его акварельного изображения, сделанного К. Горбуновым в 1841 году. Та же конфигурация лица — с крутым скосом от лба к подбородку. Тот же рисунок бровей, та же форма носа и подбородка. Та же коротко остриженные усы. Тот же проникающий глубоко в душу взгляд, от которого, по словам современников, окружающим становилось как-то не по себе. Даже манера носить военный шюрток, отличавшая Лермонтова, который, как рассказывают мемуаристы, обычно не застегивал мундир доверху, оставляя свободной шею, небрежно повязывая ее черным платком, в точности была передана портретистом...

Наша гипотеза, что на акварели запечатлен автор «Героя нашего времени», однако, нуж-

далась во всесторонней проверке. Надо было выяснить происхождение работы, установить, кто ее автор и мог ли он встречаться с поэтом, отгадать личность второго офицера, изучить русскую военную форму конца тридцатых — начала сороковых годов прошлого века, чтобы определить соответствие военных костюмов уставным требованиям к форме и знакам отличия тех родов войск и частей, в которых служил поэт.

Начали мы с определения авторства портрета. Акварель не подписана, но на аукционе, где ее приобрел нынешний владелец, она фигурировала как работа русского художника Вольдемар Гау.

Владимир (Вольдемар) Иванович Гау (1816—1896), придворный русский портретист, в свое время пользовался большой популярностью в великосветской среде. Его представителей художник по преимуществу и изображал в акварельных работах. Они широко представлены в советских музеях и картинных галереях.

Гау писал лиц из ближайшего окружения Лермонтова и при жизни поэта, и после его смерти. Он оставил акварельные изображения А. А. Столыпина-Монго, Э. К. Мусиной-Пушкиной, Е. М. Хитрово...

Все они производят впечатление довольно поверхностных и неглубоких работ. Это, однако, не исключает, что у художника были и отдельные творческие удачные. К числу их следовало отнести и портрет молодых офицеров, если его автором действительно был В. И. Гау, — прекрасно скомпонованный и отличающийся необычайным артистизмом и тонкостью в обрисовке душевного склада людей. Ничего подобного по значительности и глубине мы не встречали во всей портретной галерее Гау. Даже если отвлечься от изображения офицера, в котором мы увидели Лермонтова и который больше всего соответствовал нашему представлению о его облике, вставшем со страниц воспоминаний современников, характер другого офицера был настолько выразителен и правдиво вылеплен, что с акварели можно было писать литературный этюд об этом человеке. Недоужинком по уму и культуре, но не выделяющем их напоказ в армейской среде, где ценились совсем иные человеческие качества...

Кто он, этот второй офицер? И когда написал нашу акварель В. И. Гау? Ведь из его биографии известно, что по окончании Петербургской Академии художеств он в 1838—1840 годах совершенствовал свое мастер-

РАЗГАДКА ТАЙНЫ

во за рубежом, в Германии и Италии. С Лермонтовым Гау мог встречаться до своего отъезда за границу и после возвращения на родину в 1840 году. Поэт за стихи на смерть Пушкина в марте 1837 года был сослан на Кавказ, откуда снова вернулся в Петербург только весной 1838 года. Перед переводом в столицу несколько месяцев он прослужил также в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, расквартированном в Новгороде. Таким образом, их встреча возможна была или до марта 1837 года, или после возвращения поэта из первой кавказской ссылки. Лермонтов останавливался в Петербурге в январе—феврале 1838 года, проездом в Новгород. Дважды на короткие сроки он приезжал в столицу в период службы в Гродненском гусарском полку перед своим новым перемещением весной 1838 года — в лейб-гвардии Гусарский полк, стоявший в Софии, близ Царского Села.

Приятели поэта князь М. Б. Лобанов-Ростовский в своих неопубликованных воспоминаниях, обнаруженных и введенных в научный оборот Э. Г. Герштейн, писал, что «первое появление Лермонтова в свете произошло под покровительством одной очень оригинальной женщины. Это была отставная красавица лет за пятьдесят, сохранившая тем не менее следы прежней красоты, сверкающие глаза и плечи и грудь, которые она охотно выставляла напоказ». В этом портрете нетрудно узнать дочь М. И. Кутузова — Е. М. Хитрово, друга А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского и многих других деятелей русской культуры. Среди них были и выдающиеся мастера русской кисти: Карл и Александр Брюлловы, Орест Кипренский, Петр Соколов, которые писали портреты самой Елизаветы Михайловны и ее родственников. Она могла привлечь и Гау к созданию портрета молодого поэта — достойного наследника гения Пушкина. Но Е. М. Хитрово познакомилась с Лермонтовым скорее всего только осенью 1838 года. Поэт, как свидетельствуют «Санкт-Петербургские ведомости», прибыл в столицу из Новгорода 24—25 апреля 1838 года, а «генерал-майорша Елизавета Михайловна Хитрово» отбыла в заграничное путешествие вместе со своей младшей дочерью Дарьей Федоровной (Долли) и ее мужем, австрийским посланником в России Шарлем-Луи Фикельмоном, несколько дней спустя — 7 мая того же года. Со сборами в дальний путь Е. М. Хитрово, конечно, было недосуг вести обычный ритм светской жизни и потому маловероятно, чтобы она встречалась в эти дни с Лермонтовым.

Елизавета Михайловна возвратилась из заграничного вояжа только глубокой осенью — в ноябре 1838 года, а ее дочь осталась в Италии и больше в Россию не возвращалась. Поэтому высказываемые в литературе предположения, что Лермонтов был заведомо знаком с ней, не только Е. М. Хитрово, но и ее дочери — «австрийской посланницы», лишены оснований. Тем более, что в списке петербургских знакомых Фикельмона, включающем около 900 фамилий (с ним мы познакомимся, работая над материалами их семейного архива, находящегося в Чехословакии в городе Дечине), фамилии Лермонтова нет...

А к осени 1838 года и сам Гау был далеко от Петербурга. Согласно тем же «Санкт-Петербургским ведомостям» «вольный художник Вольдемар Гау» отправился в «чужие края» в середине июня 1838 года. Возвратившись в 1840 году, он уже не застал в живых Елизавету Михайловну: она умерла в мае 1839 года...

Очень важно было установить

происхождение акварели. Аукционная фирма, продавшая портрет, никак не хотела сообщить, несмотря на наши настойчивые просьбы, кому акварель принадлежала ранее и от кого поступила в продажу. Наконец нам удалось получить косвенные данные о том, что акварель вместе с некоторыми другими живописными работами происходила из собрания принца Карагеоргиевича, последнего отпрыска королевской сербской династии, скончавшегося несколько лет назад. Эта весть, казалось бы, заводила нас в тупик. Какая могла быть связь между коллекцией фамильных портретов югославского королевского дома и неизвестным изображением великого русского поэта?

Однако все обстояло ровно наоборот. Мы получили весьма веские доказательства в пользу нашего предположения, что перед нами был неизвестный ранее портрет М. Ю. Лермонтова.

Дело в том, что принц Павел Карагеоргиевич состоял в прямом родстве со знаменитой русской железнодорожной династией Демидовых, и это ему по смерти последней владелицы флорентийского имения Демидовых в 1956 году вместе с тамошними земельными угодьями и дворцами перешло по наследству и их богатейшая художественная коллекция. В свое время нам уже доводилось писать о печальной судьбе этой коллекции (см. наш очерк «Вилла на Старой болонской дороге» в № 49 «Литературной России» за 1977 год), большая часть которой была распродана на флорентийском аукционе в 1969 году, когда с молотка пошли по миру уникальные работы русских умельцев и произведения Федора Рокотова, Федота Шубина, Петра Верещагина, а также выдающихся мастеров Франции, Италии и других стран. Еще тогда, однако, мы обратили внимание, что на аукционе было представлено не много работ русской школы. Принц Павел кое-что, видимо, придержал для себя...

И вот объявилась еще одна работа из знаменитого собрания. Почему же происхождение акварели подтверждало нашу гипотезу о том, что один из изображенных на ней офицеров был не кто иной, как М. Ю. Лермонтов?

Напомним читателям, что представители династии уральских горнорудных магнатов еще с начала прошлого века жили во Флоренции, где Николай Никитич Демидов состоял в должности русского посланника при Тосканском дворе. Обладая несметными богатствами, приносимыми ему уральскими рудниками и заводами, Н. Н. Демидов коллекционировал произведения искусства. Свою страсть он передал сыну — Анатолию Николаевичу, при котором демидовское собрание, разбросанное по трем городам — Флоренции, Петербургу и Нижнему Тагилу, — стало одним из самых богатых в мире. По заказу Анатолия Николаевича Карл Брюллов написал «Последний день Помпеи», а также работал над большим парадным портретом самого А. Н. Демидова, который ныне украшает знаменитый музей Питти во Флоренции.

Кисти Карла Брюллова принадлежит и портрет известной светской красавицы Авроры Карловны, урожденной Шернваль, вышедшей в 1836 году замуж за Павла Николаевича Демидова, брата Анатолия Николаевича. Брак этот был недолговечен. В 1840 году Аврора Карловна овдовела. Вторым браком с 1846 года она была замужем за Андреем Николаевичем Карамзиным, сыном знаменитого русского писателя и историка, с семьей которого был так близок Пушкин, а позднее и Лермонтов.

Второй брак Авроры Карловны также был непродолжитель-

ным. А. Н. Карамзин с началом Крымской войны ушел добровольцем на фронт и погиб в сорок лет в бою с турками 23 мая 1854 года. Аврора Карловна осталась с сыном Павлом от первого брака и больше замуж не выходила. По смерти А. Н. Демидова в 1870 году ее сын наследовал и флорентийскую часть демидовских владений. Павел Павлович расширил их, приобретя в 1872 году близ Флоренции обширное поместье Пратолино. Вместе с сыном в Пратолино жила и Аврора Карловна. На стене капеллы, построенной в эпоху Возрождения архитектором Буонталенти, она установила мраморную доску в память об Андрее Николаевиче Карамзине, которая сохранилась там до наших дней. Ее же стараниями в Нижнем Тагиле был поставлен памятник А. Н. Карамзину. Чтя память погибшего мужа, Аврора Карловна свято хранила и все семейные карамзинские реликвии. Благодаря этой женщине, дожившей до глубокой старости и умершей в 1902 году, уцелела переписка с Андреем Карамзиным 1836—1837 годов его матери, сестры и брата. Она известна как «Тагильская находка» и была сделана советскими исследователями совсем недавно, рассказав много нового о последних днях жизни А. С. Пушкина. Благодаря ей дошла до наших дней и заинтересовавшая нас акварель, на которой вместе с великим поэтом, близким другом Карамзиных, изображен и муж Авроры Карловны — Андрей Николаевич.

Вот почему нам с самого начала показались знакомыми черты друга Лермонтова. Конечно же, это был А. Н. Карамзин, чьи портреты не раз воспроизводились в печати.

Когда же и кем была сделана акварель? Поэт, как говорят обнаруженные в последние годы документы, познакомился с Карамзиными в августе 1838 года и сразу сблизился со всем семейством покойной историка. Лермонтову было очень тепло в этом доме. Он с увлечением участвовал в затеваемых Софией Карамзиной домашних представлениях, джигитовал с нею во время великосветских кавалькад, сдружился с братьями Андреем и Александром Карамзиными, служившими в лейб-гвардии конной артиллерии, стоявшей также в Царском Селе, где Карамзины снимали дачу. Своим человеком стал он и в салоне Карамзиных, где собирался цвет русской культуры того времени. Особенно простые и непринужденные отношения у него сложились с приятельницей Пушкина и Гоголя А. О. Россет-Смирновой, поэтом И. П. Мятлевым, поэткой Е. П. Ростопчиной, которую он знал с юношеских лет.

Лермонтов очень ценил сатирический дар Мятлева, автора юмористической поэмы о мадам Курдюковой, в которой выведен образ невежественной и претенциозной представительницы русского помещичьего класса. Его от души забавляли насмешливые эскапады против окружающей великосветской среды Александра Карамзина, пробававшего, как известно, свои силы и в литературе. Импонировали острый ум и эксцентрический характер Софии Карамзиной, в альбом которой он вписал стихи, живо отразившие душевную просветленность, испытанную поэтом и в кругу столь близких ему по настроению людей.

Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
Смирновой штучку,
фарсу Саши
И Ишки Мятлева стихи...

В доме Карамзиных Лермонтов проводил во вторую кавказскую ссылку в начале мая 1840 года, а также в последнюю поездку на Кавказ после